

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.П. Аквилонов

**«Чти отца и мать твою...»
(объяснение 5-й заповеди Закона Божия)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1911. № 4. С. 405-434.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

13 марта, 1911 года. Печатать разрешается. Ректоръ С.-Петербург-
ской духовной академіи епископъ *Георгій*.

„Чти отца твоего и мать твою...“ (объясненіе
5-й заповѣди Закона Божія *)).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обязанность попеченія дѣтей о престарѣлыхъ родителяхъ.—Библейскія свидѣтельства.—„Послѣдняя воля“ родителей и сила ихъ благословенія.—Свидѣтельства Слова Божія.—Мѣсто изъ „Повѣсти о Горѣ-Злочастіи“.

КОГДА отецъ съ матерью состарятъся, дѣти тѣмъ болѣе должны оберегать ихъ покой. «Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется», учитъ ап. Павелъ, «тотъ отрекъся отъ вѣры и хуже невѣрнаго» (1 Тим. 5, 8). «Сынъ», взываетъ Иисусъ Сираховъ, «прими отца твоего въ старости его и не огорчай его въ жизни его. Хотя бы онъ и оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе и непренебрегай имъ при полнотѣ силы твоей; ибо милосердіе къ отцу не будетъ забыто; несмотря на грѣхи твои, благосостояніе твое умножится. Въ день скорби твоей воспомянется о тебѣ: какъ ледъ отъ теплоты, разрѣшатся грѣхи твои. Оставляющій отца—то же, что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа раздражающій мать свою» (Сир. 3, 12—16). Въ своемъ «Шестодневѣ» *с в.* Василій Великій беретъ назидательный примѣръ изъ природы, безсознательно исполняющей пятую заповѣдь. «Заботливость буселей (перелетныхъ птицъ) о состарѣвшихся достаточна къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей сдѣлать отцелюбивыми. Обступивъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, бусели согрѣваютъ его своими крыльями и, обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ ему сильную помощь, слегка поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями. И

*) Окончаніе. См. мартъ.

это такъ извѣстно всякому, что вмѣсто: „воздать за благодѣянія“ нѣкоторые выражаются: „отбуселить“ ¹⁾). Къ несчастью, въ жизни нерѣдки примѣры бѣдственной участи престарѣлыхъ родителей въ домахъ своихъ неблагодарныхъ дѣтей. Легче отцу прокормить шестерыхъ дѣтей, нежели шестерымъ дѣтямъ прокормить одного отца.

Слово Божіе многократно подтверждаетъ, *насколько великъ грѣхъ непочтенія къ родителямъ*. «Глазъ, насмѣхающійся надъ отцемъ и пренебрегающій покорностью къ матери», пишетъ Премудрый, «выключаютъ вороны дольные и сожрутъ птенцы орлиные» (Прит. 30, 17). Въ ветхомъ завѣтѣ непокорный сынъ наказывался лютою смертью. «Кто ударитъ отца своего, или мать свою», а такъ же «кто злословитъ отца своего или мать свою, того должно предать смерти» (Исх. 21, 15, 17). «Если у кого будетъ буйный и непокорный сынъ, неповиновенный голосу отца своего и матери своей, и они наказывали его, но онъ не слушаетъ ихъ,—то отецъ его и мать его пусть возьмутъ его и приведутъ его къ старѣйшинамъ города своего и къ воротамъ своего мѣстопребыванія и скажутъ старѣйшинамъ города своего: „сей сынъ нашъ буенъ и непокоренъ, не слушаетъ словъ нашихъ, мотъ и пьяница“; тогда *всѣ жители города его пусть побьютъ его камнями до смерти*; и такъ истреби зло изъ среды себя, и всѣ Изральтяне услышатъ и убоятся» (Втор. 21, 18—21).

Страхъ и трепеть охватываютъ сердце при чтеніи этихъ, идущихъ изъ сѣдой древности, прещеній. Возможно, что многіе упрекнутъ ее въ жестокомъ варварствѣ и благословятъ наше, снисходительное ко всякимъ преступленіямъ, «всепрощающее» время. Дѣйствительно, побіеніе камнями непокорнаго сына, съ главнымъ участіемъ самихъ родителей,—зрѣлище, не поддающееся никакому описанію. Нѣтъ спору, древность была въ высокой степени строга и взыскательна къ нравственнымъ проступкамъ, чѣмъ и засвидѣтельствовала, въ ученіе грядущимъ поколѣніямъ, свою необычайно-высокую моральную зрѣлость. Этого отъ нея не отнять никакими ухищреніями и способами. Но при этомъ необходимо помнить, что нравственно—*должное* не знаетъ ни древности, ни юности, и наиболѣе обязательнымъ является для тѣхъ, которые гордятся своей высокой «культурностью». Весьма жаль только,

¹⁾ Василій В., Вес. на Шестодневъ. Рус. пер. Москва, 1845, стр. 146.

что плоды ея смертельно-ядовиты, а противоядія доселѣ еще нѣтъ, да о немъ почти и не заботятся, потому что, въ противномъ случаѣ, вмѣсто зараженія старались бы объ очищеніи нравственной атмосферы.

Завершительные часы земного странствованія человѣка являются самымъ знаменательнымъ моментомъ его жизни, по одну сторону котораго остается временное, а по другую открывается вѣчное бытіе съ его великими наградами и тяжкими наказаніями. Находящійся при послѣднемъ издыханіи, естественно, оглядывается на весь, имъ пройденный, житейскій путь и голосомъ неподкупной совѣсти теперь, какъ никогда прежде, судить о цѣломъ содержаніи оконченной жизни. Тѣлесно немощный, онъ силенъ душевно: ничто земное ужъ не привлекаетъ его вниманія и разсматривается имъ только *sub specie aeternitatis*.

Приблизимся къ одру умирающаго, окруженнаго дѣтми, отца и посмотримъ на его душевное состояніе. Послѣднее характеризуется совершеннымъ равнодушіемъ къ богатству, славѣ и почестямъ. Какимъ ничтожнымъ представляется все это по сравненію съ возвышающимся надъ суетными призраками нравственнымъ міропорядкомъ, представителемъ котораго (и, къ несчастью, нарушителемъ) на землѣ является человѣкъ! И вотъ, отходящій къ праотцамъ и теперь особенно высоко, «паче тысячъ злата и сребра» (Пс. 118, 72), оцѣнивающій духовныя блага, останавливаетъ потухающій взоръ на своихъ дѣтяхъ, какъ на будущихъ носителяхъ нравственнаго міропорядка: или устроителяхъ его, или разорителяхъ. Теперь этотъ прощальный взоръ становится особенно утонченнымъ и пронизательнымъ и получаетъ доходящую до ясновидѣнія способность прозрѣнія будущихъ судебъ ихъ. Родитель становится «пророкомъ... въ дому своемъ» (Мѡ. 13, 57)—не въ смыслѣ какого-то оторваннаго отъ житейской почвы «прозорливца», но какъ родной отецъ, которому, предпочтительно предъ всѣми другими, вѣдомы и сердца, и жизнь его дѣтей. Какъ на происходящемъ «свыше» (Еф. 3, 15 ср. Іоа. 19, 11), и на земномъ отчествѣ отражается небесное, и потому слова Христовы: «никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ» (Мѡ. 11, 27) могутъ и должны имѣть приложеніе, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ же и къ разсматриваемому событію.

Да, отецъ «знаетъ» сына и, вообще, своихъ дѣтей, а еще болѣе любить ихъ и, особенно въ виду приближающейся разлуки, испытываетъ нравственную потребность—выразить имъ

свою «*послѣднюю волю*», иначе говоря, преподать имъ *родительское благословеніе*—кому болѣе, кому менѣе благопріятное, смотря по личнымъ качествамъ и достоинствамъ дѣтей.

Вышеуказанныя условія, въ которыхъ происходитъ изъясненіе этой послѣдней воли или родительскаго благословенія, не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ его *могущественномъ вліяніи на дѣтскую судьбу*: подлинно, «благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ» (Сир. 3, 9). А такъ-какъ послѣднее не только не является какимъ-то случайнымъ и беспочвеннымъ дѣйствіемъ,—ибо предъ отцомъ открыты сердца и жизнь его дѣтей,—то двѣ половины пятой заповѣди: повелѣніе («*чти*») и воздаяніе («*да благо ти будетъ*») являются, преимущественно въ разсматриваемомъ моментѣ, соединенными одна съ другою крѣпкою *причинною* связью. Ужъ если когда, то, конечно, предъ смертью предпочтительнѣе всего возлюбить и говорить только одну правду, какою бы сладкой или горькой ни была она! Вотъ почему праотецъ Іаковъ, твердо памятуя, что Рувимъ—«первенецъ, крѣпость и начатокъ силы» его, не безъ огорченія, однако, лишилъ его преимущества за то, что онъ «*взошелъ на ложе отца своего*». Подобнымъ же образомъ лишены части первородства и двое другихъ старшихъ братьевъ: Симеонъ и Левій, вмѣсто которыхъ оно передано четвертому, въ порядкѣ рожденія, сыну патриарха, Іудѣ (Быт. 49, 1—11), отъ котораго произошли царь Давидъ и (по плотскому рожденію отъ Дѣвы) Спаситель міра—Христосъ (Лк. 3, 31. 32; Рим. 1, 3). Такимъ образомъ, Самъ Господь Своимъ чудеснымъ воплощеніемъ оправдалъ, предъ лицомъ всего міра, непреложность обѣтованія: «*благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ*» (Сир. 3, 9) и неразрывно соединилъ его съ св. долгомъ почитанія родителей. Слѣдовательно, оно почиетъ только на повиновующихся пятой заповѣди дѣтяхъ, имъ принадлежитъ, а нарушающія ее тѣмъ самымъ лишаютъ себя этого великаго напутствія въ жизнь, такъ что для нихъ и заповѣдь (по противоположенію) гласитъ иначе:.... «*а если не почтишь отца твоего и мать твою, то зло тебѣ будетъ и кратковременнымъ будешь на землѣ*». И сбудутся грозныя слова: «*не будетъ старца въ домѣ твоёмъ никогда, но все потомство твое будетъ умирать въ среднихъ лѣтахъ*» (1 Цар. 2, 31—33).

Неизвѣстный древнерусскій (17-го в.) писатель изобразилъ это зло въ дидактической «Повѣсти о Горѣ и Злосчастіи, какъ

Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ». Непослушный сынъ сидитъ на пиру.

„Говорятъ молодцу люди добрые:
 Что еси ты, добрый молодець,
 Зачѣмъ ты на пиру невесель сидишь,
 Кручиновать, скорбень, нерадостень?...
 Говорить имъ, сѣдя, добрый молодець:
 Государи вы, люди добрые!
 Скажу я вамъ про свою нужду великую,
 Про свое ослушанье родительское,
 И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
 Про лестное питіе пьяное.
 Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
Ослушался язъ отца своего и матери;
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалось;
Господь Богъ на меня разнѣвался,
 И на мою бѣдность велись великія
 Многія скорби неисцѣльныя;
 Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло:
 Ради того мое сердце невесело“... 1)

Невысокая съ художественной стороны, повѣсть, безспорно, проникнута чисто-христіанскою моралью и достойна особаго вниманія со стороны юныхъ нашихъ современниковъ.

Но если такъ, то *откуда же происходятъ обратныя и такъ нерѣдко наблюдаемая въ жизни явленія*, что вполнѣ благовоспитанные, трудолюбивые и честные люди, однако, не пробиваются впередъ и терпятъ чуть не сплошныя неудачи? Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, говорятъ: «ему не везетъ», «не судьба», или «онъ не имѣетъ счастья». Но самое выраженіе: «счастье» — совершенно неопредѣленное и неясное понятіе. Справедливѣе будетъ замѣнить малозначащее слово другимъ: «*благословеніе*», которое послужитъ намъ путеводною нитью къ рѣшенію заданнаго вопроса. Почему же недостаетъ ему благословенія? За отвѣтомъ необходимо оглянуться на минувшія дѣтство и отрочество неудачника, а такъ же освѣдомиться и у родителей, какъ такой-то относился къ нимъ, исполнялъ ихъ волю, чтилъ ли ихъ и, вмѣсто утѣшенія, не причинялъ ли имъ только одни огорченія? Горе такому сыну, который своимъ непослушаніемъ только оскорблялъ родителей, ибо, по господствующему (не въ одномъ фи-

1) *Неизвестный*, изъ „Повѣсти о Горѣ и Злосчастіи, какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ“.

зическомъ, а и) въ нравственномъ мірѣ закону отраженія, родительскія горести и слезы свинцовой тучей повиснуть надъ судьбой ихъ сына и, какъ бы ни былъ онъ талантливъ, разрушать или, по крайней мѣрѣ, испортятъ всѣ его житейскіе планы и привлекутъ на голову его праведное возмездіе. И наоборотъ: почему менѣе талантливый, съ нѣкоторыми недостатками, не такъ ловкій и сообразительный въ житейскихъ дѣлахъ юноша, подчасъ, какъ бы на крыльяхъ слѣпой фортуны высоко поднимается къ счастью и преуспѣянію? «Онъ родился въ рубашкѣ», или «баловень судьбы»—обыкновенно говорятъ о такомъ. Но если бы любопытный наблюдатель прослѣдилъ прошлое этого баловня, прогулялся бы въ его родную деревню и, далѣе, до его родительской хаты, то отъ отца и матери узналъ бы назидательную повѣсть о почтительномъ мальчикѣ и юношѣ, который всегда слѣдовалъ приказаніямъ родителей и боялся опечалить послѣднихъ не только дурными дѣлами, но, даже, и неприличными словами.

Нѣтъ спору, что иногда и добрыя дѣти терпятъ житейскія несчастья, какъ, наоборотъ, и негодныя благоденствуютъ. Что же изъ того? Передъ нами, вѣдь, *исключительные* случаи, не опровергающіе правила, подобно другимъ безчисленнымъ, извѣстнымъ еще съ самой глубокой древности. Такъ, на примѣръ, еще праведный Іовъ спрашивалъ о томъ, «почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дома ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ. А, между тѣмъ, говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей Твоихъ!» (Іов. 21, 7—14). «Доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся?» восклицаетъ Псалмопѣвецъ (Пс. 93, 3). «Почему путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ, и всѣ вѣроломныя благоденствуютъ?» спрашиваетъ пророкъ Іеремія (Іер. 12, 1). Вопросъ о праведномъ воздаяніи, надо замѣтить, всегда служилъ острымъ жаломъ для смущенныхъ совѣстей, иногда приходившихъ въ отчаяніе отъ неумѣнья разобраться въ нелегкомъ дѣлѣ. Отъ того, разумѣется, нисколько не страдаетъ о с н о в н о е правило нравственной (а таковою всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ должна быть человѣческая) дѣятельности, управляемой безусловнымъ закономъ, а не какими-то случайными обстоятельствами. Легко представить себѣ, что случилось бы изъ примѣненія къ жизни такъ называемой «практической» мудрости, которою завтра отрицается то, что превозносится сегодня! Забывая о лич-

ныхъ достоинствахъ, послѣдняя отдаетъ преимущество внѣшнему положенію человѣка и, пока оно находится въ хорошемъ состояніи, «чтуть» такого; наоборотъ, теряютъ всякое уваженіе къ лишившемуся земныхъ благъ. На мѣсто нравственнаго міропорядка въ этомъ случаѣ устанавливается самая развратная биржа, съ воздвигнутымъ алтаремъ золотому тельцу и съ развѣнчаннымъ, презираемымъ и попираемымъ въ его нравственномъ достоинствѣ человѣкомъ. Избави Богъ, если и въ семью проникнетъ этотъ тлетворный духъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Библейскіе примѣры почитанія дѣтми родителей.—Исаакъ, Иосифъ и Руевъ.—Свидѣтельства хр. миссіонеровъ о томъ же среди язычниковъ.—Выдержка изъ китайской драмы: „Пица-Цзи“.—Письмо донского казака.

Священная исторія завѣщала всѣмъ вѣкамъ и народамъ несравненные по красотѣ и силѣ *примѣры* высокаго до самоотверженія *почитанія дѣтми своихъ родителей*. Невозможно безъ слезъ читать эпически-спокойное повѣствованіе св. Библии (Быт. 22), напримѣръ, о жертвоприношеніи Исаака. Богъ, сказано (ст. 1), «искушалъ» Авраама. Да, получившій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, по особой милости Божіей, «единственнаго (отъ Сарры), любимаго» (ст. 2) сына Исаака и нѣжно взлелѣявшій его отецъ теперь, по грозному повелѣнію свыше, долженъ своею собственной рукою заклать его во всеожженіе. Вникните въ это страшное «искушеніе» и, если можно, взвѣсьте всю тяготу отчаго подвига! Къ сожалѣнію, никакая психологія, ни близкая ей психоневрологія, доселѣ еще не въ состояніи опредѣлить земными мѣрами сверхчеловѣческихъ страданій: эта задача посильна только Тому, Который «вѣтру полагалъ вѣсъ и воду распредѣлялъ по мѣрѣ» (Іов. 28, 25). Однако, не здѣсь, а на другомъ мѣстѣ намъ слѣдуетъ остановить главное вниманіе,—на самомъ возлюбленномъ Исаакѣ. «И взялъ Авраамъ», повѣствуетъ Библия, «дрова для всеожженія и возложилъ на Исаака, сына своего; взялъ въ руки огонь и ножъ, и пошли оба вмѣстѣ. И началъ Исаакъ говорить Аврааму, отцу своему, и сказалъ: отецъ мой! Онъ отвѣчалъ: вотъ я, сынъ мой. Онъ (т. е. Исаакъ) сказалъ: вотъ огонь и дрова; *гдѣ же агнецъ* для всеожженія?» (ст. 6—7). Въ послѣднемъ вопросѣ объ агнцѣ не слышится ли скорбный голосъ самого приговореннаго къ страшной жертвѣ? На этотъ

вопросъ будетъ правильнѣе отвѣтить въ положительномъ смыслѣ. ибо до невозможности трудно допустить, чтобы, въ продолженіе трехдневнаго (ст. 4) пути, смысленный «отрокъ» (ст. 12) не прочиталъ большой задумчивости въ очахъ и на лицѣ своего отца (ср. Сир. 13, 31) и, во время восхожденія на вершину горы, своимъ трепетнымъ сердцемъ не прозрѣвалъ ожидающей его участи. Въ самомъ дѣлѣ, не приложимы ли и къ настоящему случаю знаменательныя слова: хотъ «я (и) сплю, а сердце мое бодрствуетъ» (Пѣсн. 5, 2)? Не справедливѣе ли согласиться съ тѣмъ, что и въ настоящемъ случаѣ отецъ съ сыномъ могли сказать о себѣ: «не сердце ли наю горя бѣ въ наю?» (Лк. 24, 32). Вѣдь, по словамъ вѣрной поговорки, «le coeur a des raisons que la raison ne connaît pas», т. е., сердце имѣетъ непостижимыя для разсудка доказательства. Но, въ такомъ случаѣ, Исаакъ прозрѣвалъ себя въ положеніи жертвеннаго агнца и, слѣдовательно, сознательно и самоотверженно,—символизируя «Смирившаго Себя даже до смерти» (Фил. 2, 8),—восходилъ на свою Голгоѳу, чтобы только исполнить родительскую, а въ ней и Божью волю. что и подтверждается дальнѣйшимъ повѣствованіемъ (ст. 8—10). «Достоинъ удивленія здѣсь и Исаакъ», читаемъ въ одной изъ бесѣдъ св. Златоустъ ¹⁾. «Какъ отецъ его повиновался Богу, такъ и онъ—отцу; и какъ тотъ, когда Богъ повелѣлъ ему принести жертву, не потребовалъ объясненія, такъ и этотъ. когда отецъ связывалъ его и возлагалъ на жертвенникъ, не сказалъ: для чего ты дѣлаешь это?—Но преклонился подъ отеческую руку».

Переносясь на двѣсти лѣтъ впередъ, одного изъ внуковъ Иссака мы видимъ «возсѣдающимъ на золотомъ тронѣ, по правую руку египетскаго фараона. Стройный, съ гладко остриженными волосами, безъ бороды, облаченный въ бѣлый виссонъ, съ золотыми запястьями, съ обрамляющею его чело золотою змѣей, выражающей чрезъ переводчика суровыя угрозы устрешеннымъ чернобородымъ пастухамъ» ²⁾, — не правда ли, какимъ недосыгаемо-высокимъ представляется этотъ «полудержавный властелинъ»? Повидимому, онъ долженъ «забыть домъ отца своего». Къ счастью, не такъ былъ воспитанъ и

¹⁾ Златоустъ, Слово V о Лазарѣ. Твор. въ рус. пер. Сиб. 1895, т. I, стр. 837.

²⁾ Изъ *Bettex'a*: Die Bibel Gottes Wort, Stuttgart, 1902, S. 49.

не такъ поступилъ «прекрасный» Іосифъ. Съ величайшимъ смиреніемъ, почтительно встрѣтилъ онъ своего незнатнаго (по Быт. 46, 34: «скотовода») отца, доложилъ о немъ фараону, потомъ самъ «привелъ» (Быт. 47, 7) Іакова во дворецъ и поселилъ, вмѣстѣ съ своими братьями, въ землѣ Гесемъ (ст. 6, 11—12), а съ приближеніемъ родительской кончины Іосифъ привелъ къ престарѣлому отцу двухъ сыновей своихъ для благословенія (Быт. 48, 1—6), причемъ благоговѣнно «поклонился лицемъ до земли» (ст. 12). Извѣстно также (Быт. 50, 1—14), съ какою точностью выполнилъ Іосифъ «последнюю волю» своего отца. Вся жизнь этого прекраснаго сына, начиная съ ранняго возраста (Быт. 37), представляется, такимъ образомъ, исполненіемъ родительской воли и осуществленіемъ Божьей заповѣди еще раньше начертанія ея на каменныхъ скрижаляхъ.

Третій примѣръ, останавливающий на себѣ вниманіе, является тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что заимствованъ не изъ Божьяго «виноградника», а какъ бы случайно возросъ на «дикихъ» (ср. Рим. 11, 17) поляхъ Моавитскихъ. Овдовѣвшая, безвѣстная Руѣ значительно уступаетъ въ своей женской скромности величественнымъ образамъ патріарховъ, но зато симпатично выдѣляется своимъ смиреніемъ и безропотной покорностью горькой участи своей и даже до самоотверженія доходящей преданностью не матери родной своей, а свекрови, въ добавокъ еще до нищеты бѣдной, какою была и сама Руѣ. Итакъ, въ отношеніи послѣдней къ Ноемини видна только самая безкорыстная любовь, изливающаяся въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ: «не принуждай меня оставить тебя; но куда ты пойдешь туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить; народъ твой будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ — моимъ Богомъ» (Руѣ 1, 16). Замѣтимъ еще разъ, что такая преданность свидѣтельствуется невѣсткою въ такое время, когда ея свекровь находилась въ самомъ бѣдственномъ состояніи и приписывала его особому дѣйствию Промысла: «ибо рука Господня постигла меня» (ст. 13). И, однако, не взирая на это, Руѣ еще продолжаетъ: «гдѣ ты умрешь, тамъ и я умру: одна смерть разлучитъ меня съ тобою!» (ст. 17). Внимая этихъ вдохновеннымъ словамъ чистѣйшей любви и самоотверженной преданности, невольно задаешься вопросомъ: въ возвышенныхъ псалмахъ Давида не звучитъ ли еще голосъ его великой прабабки? Вѣдь «Духъ идѣже хочетъ, дышетъ» (Іоа. 3, 8). Высокій

подвигъ Руои достойно оцѣненъ женщинами—виолеемитянками, привѣтствовавшими рожденіе внука ея, Овида, слѣдующими замѣчательными словами: «онъ будетъ тебѣ (Ноемини) отрадою и питателемъ въ старости твоей, ибо его родила *сноха твоя, которая любитъ тебя, которая для тебя лучше семи сыновей*!» (Руоѣ 4, 15)...

Не говоря уже о христіанской семьѣ, весьма богатой поразительными примѣрами въ библейскомъ духѣ,—даже и «въ» языческой «тьмѣ свѣтитъ» благодатный «свѣтъ» (Іоа. 1, 5) и являетъ достопочтенные образцы почитанія старшихъ младшими. Объ этомъ лучше всѣхъ освѣдомлены люди, благовѣствующіе тамъ проповѣдь о Христѣ. Такъ, на примѣръ, протестантскій миссіонеръ Лехлеръ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ жившій среди *китайцевъ*, указываетъ на одну поразительную черту ихъ нравственнаго облика, безспорно, имѣющую великое значеніе для упроченія ихъ государственнаго быта: это—глубокое *почтеніе къ старшимъ и благоговѣнное отношеніе дѣтей къ своимъ родителямъ*. «Какъ патріархальный укладъ жизни, такъ и семейныя отношенія, въ Китаѣ упорядоченныя лучше, нежели въ какой-либо другой языческой странѣ», по словамъ упомянутаго миссіонера, «свидѣтельствуютъ о томъ, что наставленія Конфуція, въ этомъ отношеніи, не принизились до пустой фразы, но жизнетворнымъ элементомъ внѣдрились въ народную жизнь»¹⁾. «24 примѣра» сыновней почтительности служатъ классическою книгой китайской морали. Въ капищахъ и въ школахъ, въ пріютахъ и въ чайныхъ, въ общественныхъ залахъ и въ частныхъ помѣщеніяхъ они росписаны на стѣнахъ съ тою цѣлью, чтобы каждый смотрящій на нихъ, по мѣстному выраженію, „пощупалъ свое сердце и погладилъ животъ“, т. е., испыталъ себя: исполняетъ ли онъ свой, по отношенію къ родителямъ, долгъ согласно съ данными примѣрами»²⁾.

«Прочность китайской семьи», по словамъ Ревилля, «основывается на священномъ характерѣ отеческой власти. Обще-признанная обязанность сыновняго повиновенія достигаетъ въ Китаѣ абсолютнаго значенія»³⁾. Въ одной китайской драмѣ

¹⁾ *Lechler, Miss.—Mag.* 1888, S. 116.

²⁾ См. *Wurm P., Handbuch der Religionsgeschichte, Calw et Stuttgart,* 1904, S. 131.

³⁾ *Reville, A., La Religion Chinoise,* p. 170, въ собр. соч. *Соловьева Вл.,* т. VI, стр. 90.

«Пипа-цзи» (Исторія флейты) отецъ спрашиваетъ сына объ его обязанностяхъ по отношенію къ родителямъ и получаетъ слѣдующій отвѣтъ: «батьюшка, вотъ въ чемъ состоятъ обязанности сына: онъ долженъ заботиться, чтобы лѣтомъ и зимой родители пользовались всѣми житейскими удобствами; долженъ каждый вечеръ самъ опрашивать постель для родителей; каждое утро, при первомъ крикѣ пѣтуха, обращаться къ родителямъ съ почтительнѣйшими вопросами о здоровьѣ; долженъ въ теченіе дня многократно спрашивать родителей: не беспокоитъ ли ихъ холодъ или жаръ; сынъ обязанъ поддерживать родителей, когда они идутъ; обязанъ уважать то, что они уважаютъ, любить то, что они любятъ, до лошадей и собакъ включительно; сынъ при жизни не долженъ удаляться изъ дому, въ которомъ они живутъ»¹⁾). Подобнымъ же образомъ молодой *индусъ* всецѣло занятъ только однимъ желаніемъ—помочь своему отцу въ его дѣлахъ и предпріятіяхъ и все, пріобрѣтенное личнымъ трудомъ, считаетъ не своею, а фамиліною собственностью²⁾).

Сколько возвышенной поэзіи, любви и самоотверженія, какая неодолимая нравственная мощь таятся въ этомъ святомъ чувствѣ, изливающимся, подчасъ, въ простѣйшихъ рѣчахъ несравненной прелести и силы. Оставимъ иностранцевъ и обратимся къ своимъ. Вотъ, предъ нами самое безхитрое письмо рядового казака къ своему любимому начальнику. «Эхъ! бывало», пишетъ онъ, «въ чужой землѣ приключится немочь лютая; разведешь цепоть земли Дона-батьюшки въ водѣ свѣжей, выпьешь, какъ ни въ чемъ не былъ. А другого моятъ разными кореньями да лѣкарствами: лѣчитъ насъ нашъ милый Донъ.—*Вспомнишь мать, отца, дѣтей своихъ, хоть изъ мертвыхъ приподнимешь*. Ахъ, бывало, пишешь грамотку на родимую сторону: „ты, отецъ мой, родной батьюшка, ты родная моя матушка. Мнѣ не надо ни золота, ни серебра, надо мнѣ ваше благословеніе; вы, родимые, не шлите мнѣ казны златой, а пришлите мнѣ воды Донской; почерпните вы ее хоть въ скляночку, поклонитесь Дону милому“! *Ну, да какъ же не любить намъ нашу родиму, не любить намъ Дона-батьюшки*»³⁾? Не правда ли,—великолѣпно!..

¹⁾ Взято изъ свящ. книги Ли-цзи, см. у *Соловьева*, Собран. сочин., Т. VI, стр. 117.

²⁾ *Robson*, Hinduism and its relations to Christianity. Edinb. 1874, p. 121.

³⁾ „Письмо казака Платову“, см. Рус. Стар., 1905, май, стр. 462—463.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Переходъ къ обътованію въ пятой заповѣди.—Послѣднимъ не рѣшается окончательно вопросъ о побужденіи дѣтей къ отцепочитанію.—Почему же досточтимъ отецъ?—Притча о блудномъ сынѣ.—Причина умолчанія Библии о матери.—Свидѣтельство современной антропологін о значеніи материнства въ развитіи альтруизма.

Много причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, повинны въ затемнѣніи правильныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Образовалось неборимое средостѣніе, раздѣляющее младшихъ отъ старшихъ, и мѣсто любви и довѣрія уступлено непріязни и скрытности, особенно въ отношеніяхъ болѣе строгихъ отцовъ къ ихъ свободолюбивымъ сыновьямъ. Начавшаяся, подчасъ, съ ранняго дѣтства этихъ послѣднихъ, пагубная раздвоенность острымъ клиномъ проходитъ чрезъ всѣ другіе возрасты сыновней жизни, остающейся до конца дней въ состояніи нераспустившагося, хотя и къ солнцу обращеннаго, цвѣтка. Умъ, авторитетъ, воля и другія отцовскія достоинства высоко цѣнятся сыномъ, но отъ такого признанія ихъ до заповѣданнаго «чти»—большое разстояніе. И остается оно, какъ великая пропасть, между отцомъ и сыномъ, и послѣдній, подчасъ въ продолженіе цѣлой жизни, ни однажды не получалъ счастья, или, вѣрнѣе, блаженства—созерцать плѣнительный образъ своего отца. Выраженіе: «плѣнительный»—не риторическая прикраса (ибо и на этомъ свѣтѣ существуетъ, слава Богу, далеко превосходящая ее дѣйствительность), а только слабая признательность по отношенію къ тому, кто для человѣка въ этомъ мірѣ долженъ быть драгоцѣннѣе всякихъ сокровищъ.

Подобно тому, какъ великій художникъ слова и, особенно, поэтъ видитъ, что незримо для помраченнаго взора, и слышитъ невнятное для огрубѣвшаго слуха, и въ своихъ мастерскихъ произведеніяхъ открываетъ предъ «средними» людьми новый, доселѣ сокровенный для нихъ, міръ небесной красоты, такъ, только въ превосходной степени, и «единый Учитель-Христосъ» (Мѡ. 23, 8), предъ чистымъ взоромъ Котораго самая маленькая птичка и полевая лилія открывалась въ недоступной намъ красотѣ (Мѡ. 6, 26—28), въ одной изъ притчъ начерталъ возвышенный образъ отца, изливаемаго таившуюся въ его сердцѣ любовь на своего раскаявшагося сына (Лк. 15, 11—32). До легкомысленнаго удаленія и, тѣмъ болѣе, до спа-

сительнаго возвращенія послѣдняго въ отчій домъ она находилась въ скрытомъ или, какъ говорятъ, въ потенциальномъ состояннн, какъ бы съ умышленною цѣлью, чтобы тѣмъ пышнѣ развернуться въ своемъ величнн и нѣжнѣйшей красотѣ послѣ того, какъ раскаявшійся юноша, «возставъ», пошелъ къ покинутому отцу, издалека узрѣвшему его и бросившемуся ему на шею въ минуту сладостной встрѣчи. «И когда онъ былъ еще далеко, узрѣлъ его отецъ его и сжалился; и побѣжавъ палъ ему на шею и поцѣловалъ его» (ст. 20), и дальнѣйшее: «принесите лучшую одежду и облеките его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленнаго теленка и заколите: станемъ ѣсть и веселиться, ибо этотъ сынъ мой былъ мертвъ и ожилъ, погибалъ и напелся» (ст. 22—24) — изображаютъ превосходящую всякое описаніе потрясающую сцену. Подлинно, «николиже тако есть глаголалъ человекъ, яко Сей Человекъ!» (Іоа. 7, 46).

Приточная форма изображенія нисколько не умаляетъ достоинства расположенныхъ на немъ лицъ: каждое изъ нихъ поставлено на своемъ мѣстѣ и само за себя отвѣчаетъ. Въдъ изъ *дѣйствительной* жизни взята притча и ея же улучшение преслѣдуетъ. Въ возвышенномъ образѣ отца Спаситель хотѣлъ (*буквальный* смыслъ притчи) ¹⁾ приподнять только часть завѣсы, за которою скрывается неистощимая въ своихъ сокровищахъ человѣческая душа,—родительское сердце и уступчивое и мягкое (Лк. 15, 12), и милующее и прощающее до поразительнаго самоотверженія (ст. 20—32). Любвеобильный къ вѣрному, отецъ еще болѣе является таковымъ по отношенію къ блудному сыну. И когда промотавшій выдѣленное имѣніе и до крайней степени униженный, послѣдній осиротѣлъ друзьями и знакомыми и опытно извѣдалъ горькую, которой не испытывали пасенныя имъ животныя, нужду и былъ отринутъ даже

¹⁾ Цѣль притчи—показать неизреченное милосердіе Божіе къ раскаявающемуся грѣшнику. Подъ земнымъ отцомъ разумѣется Отецъ небесный. Слушатели должны возноситься отъ образа къ Первообразу, представляя себѣ приписанныя первому свойства увеличенными въ безконечной степени. Въ богословской наукѣ этотъ способъ богопознанія называется *via eminentiae*. Существомъ самаго дѣла, при антропоморфическомъ богопознанн, требуется, чтобы самое *eminendum* было чуждо всякихъ недостатковъ и соответствовало идеальной дѣйствительности, отсюда слѣдуетъ, что самый образъ долженъ представлять ее въ реальной (земной) дѣйствительности. Слѣдовательно, въ притчѣ выведенъ *наилучшій отецъ*.

роднымъ братомъ своимъ, — въ это, именно, критическое время несчастный особенно «милъ бысть» своему отцу. Въ огнѣ родительской любви растворилось совершенное сыномъ беззаконіе, и на мѣстѣ смерти и погибели возгорѣлась новая жизнь.

Притча обращается и къ вѣрнымъ, и къ блуднымъ сыновьямъ (respect. и къ дочерямъ) съ однимъ увѣщаніемъ: почитайте отцовъ, вѣрьте любви ихъ, не покидайте ихъ: это необходимо для вашего же счастья, для семейнаго благополучія, для вашего спасенія, потому что земной отецъ—хотя и слабый, но лучший образъ Небеснаго Отца (ср. Мѡ. 7, 9—11; Лк. 11, 11—13),—истинный, а не извращенный, ибо «отъ Отца Господа нашего *И. Христа* именуется всякое отечество на небесахъ и на земль (Еф. 3, 14. 15) ¹⁾. Все рѣже и рѣже встрѣчающееся въ дѣйствительности достойное воплощеніе этого образа не измѣняетъ существа дѣла: недостойные носители отчества не уничтожаютъ его святости, чтить которую—всегдашній долгъ дѣтей.

Какъ бы то ни было, однако, по своей психо-физической организаціи, отецъ является въ семьѣ представителемъ, главнымъ образомъ, авторитета и силы, верховнымъ блюстителемъ законности и порядка и труженикомъ, обязаннымъ добывать пропитаніе ея членамъ. Поставленный въ необходимость значительную часть времени проводить внѣ своего дома, отецъ, естественно, поручаетъ дѣтей попеченію ихъ матери, которая и является, такимъ образомъ, главною ихъ воспитательницею. Нѣтъ нужды распространяться на тему объ исключительной близости матери къ дѣтямъ, начинающейся съ момента, ей одной прежде всѣхъ открывающагося. Материнская любовь—предметъ общеизвѣстный и не требующій никакихъ доказательствъ. Спаситель только разъ и, надобно сказать, чрезвычайно сильно, по противоположности предшествующаго и послѣдующаго моментовъ, выразилъ эту любовь матери, отъ радости, по случаю

¹⁾ Замѣчательное, въ психологическомъ смыслѣ, признаніе дѣлаетъ одинъ, выводимый въ романѣ *Бальзака*: „Горіо“, старикъ, по имени котораго названъ и самый романъ: „Когда я сталъ отцомъ, я понялъ Бога. Онъ одинъ повсюду, потому что твореніе Его вышло изъ Него... Я тоже самое чувствую по отношенію къ моимъ дочерямъ, только я люблю ихъ больше, чѣмъ Господь Богъ—насъ (sic!), потому что мѣръ хуже Господа Бога, а мои дочери лучше меня!“ (Собр. сочиненій избранныхъ иностр. писателей. Собр. соч. *Бальзака*, т. I. Спб., 1896, стр. 105).

появленія въ міръ младенца, забывающей смертельныя муки рожденія. Для изображенія ожидающаго плачущихъ и рыдающихъ учениковъ Его блаженства (Іоа. 16, 20) Онъ употребилъ не какое-либо другое, а именно, *это* сравненіе ихъ съ рождающей женой (ст. 21—22). Ея радость протекаетъ изъ чистѣйшей любви къ рожденному младенцу, едва узрѣвшему свѣтъ и всецѣло предоставленному ея материнскому попеченію. Младенецъ еще ничѣмъ не заявилъ себя, кромѣ крика о своей безпомощности, а она его уже любитъ, какъ никто на свѣтѣ. Такова безкорыстная любовь,—и какъ же младенцу не отвѣтить на нее любовью? Младенецъ, отрокъ, юноша, зрѣлый мужъ,—сынъ навсегда останется таковымъ по отношенію къ матери и не долженъ «оставлять свою къ ней первую любовь» (ср. Апок. 2, 4). А если послушать голоса современной антропологiи (изъ устъ достойнѣйшихъ ея представителей), то еще болѣе станетъ ясною причина, по которой должно чтить свою мать. Предоставляя специалистамъ спорить о временахъ и срокахъ міротворенія, обратимъ вниманіе на главнѣйшее, составляющее нравственную красоту человѣчества, о чемъ у насъ такъ любятъ распространяться,—на происхожденіе гуманности, или, по другому выраженію, *альтруизма*. Послѣдній имѣетъ свою очень продолжительную генеалогію и культивированъ, главнымъ образомъ, матерью. По словамъ Генри Друммонда, «переходъ отъ дружелюбія (Other—ism) въ фізіологическомъ смыслѣ къ альтруизму въ моральномъ совершается въ связи съ измѣненіемъ естественной задачи той, для которой предназначена борьба за жизнь другихъ. Выражаемая однимъ великимъ словомъ, эта задача—*материнство* (Maternity), представляющее собою только видоизмѣненную и перенесенную въ нравственную область борьбу за жизнь другихъ. Если прослѣдить развитіе материнства, начиная съ его обнаруженія на низшихъ ступеняхъ природы, и затѣмъ посмотрѣть на его возвышенныя качества въ человѣческомъ родѣ, то его характеръ, а равно и характеръ процессовъ его развитія предстанутъ въ ихъ совершенной божественности. По отношенію къ чему материнство служитъ матерью? Къ дѣтямъ? Нѣтъ, ибо они являются только покровомъ его духовнаго обнаруженія. Къ аффекціи между мужемъ и женой? Нѣтъ, ибо аффекція, вопреки общепринятому мнѣнію, имѣетъ мало мѣста въ первоначальныхъ сексуальныхъ отношеніяхъ. Къ чему же? Къ самой любви, къ любви, какъ къ любви, къ любви, какъ къ

жизни, къ любви, какъ къ гуманности, къ любви, какъ къ чистому и неиспорченному роднику всего того, что только имѣется вѣчнаго въ этомъ мѣрѣ» ¹⁾. «Природѣ было легче, въ тысячу разъ легче, произвести миллионъ дѣтенышей, нежели одну мать» ²⁾. Нельзя не почитать «вѣчное въ этомъ мѣрѣ», и, по естественной близости къ своей матери, дѣти, прежде другихъ обязаны ей почитаніемъ. Такъ быть должно по Божескимъ и по человѣческимъ законамъ.

Предоставляя дѣтямъ самимъ поразмыслить о *causa efficiens* почитанія родителей, пятая заповѣдь ясно говоритъ объ его *causa finalis*: для чего дѣти должны чтить ихъ? Къ послѣднему вопросу мы и перейдемъ теперь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Двѣ части обѣтованія и взаимоотношеніе ихъ.—Обезпечиваемыя правильнымъ дѣтскимъ воспитаніемъ душевныя качества въ значеніи моральнаго „блага“.—Отрицательное доказательство въ возмездіи дѣтей родителямъ, нарушавшимъ требованіе заповѣди.—Генезисъ патриотизма, начиная съ дѣтской колыбели.—Отношеніе послѣдняго къ „всечеловѣчеству“.—Литературныя справки.

Обратимся къ обѣтованію. Оно состоитъ изъ *двухъ частей*: «да благо ³⁾ ти будетъ»—это первая часть, а «да долголътенъ будеши на земли»—вторая, совокупностью которыхъ образуется одно нераздѣльное цѣлое. Обѣ части соединены между собою не внѣшне, а внутреннею органическою связью: изъ «да благо ти будетъ» естественно слѣдуетъ земное долголътіе, какъ и наоборотъ послѣднимъ предполагается первое, т. е. «благо». Добродѣтель и награда соединены здѣсь не такъ, какъ въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, земледѣльцу говорятъ: трудись, какъ можно усерднѣе, надъ обработкою пашни, чтобы она принесла тебѣ большій урожай; или коммерсанту: умѣй «показать товаръ лицомъ», чтобъ получить больше прибыли; солдату:

¹⁾ *Drummond Henry*, The Lowell Lectures on the Ascent of Man. London, 1906. p. 331.

²⁾ Тамъ же, стр. 348.

³⁾ *jitab* „хорошо будетъ“—3-е лицо единств. числа (безлично) несовершеннаго времени (2-го аориста) 1-й формы (кадь) отъ глагола *jatab*—„быть хорошимъ“, а глаголъ отъ прилагательнаго *tôb* „хорошій“ въ смыслѣ: „удобный, пріятный, соответствующій идеалу, добрый, блаженный, счастливый“; здѣсь: „чтобы тебѣ быть счастливымъ“.

сражайся отважнѣе, чтобы украситья знакомъ военнаго отличія; или общественному дѣятелю: чаще появляйся въ публичныхъ собраніяхъ, чтобъ достать себѣ громкую извѣстность и т. д. Дѣйствія въ приведенныхъ примѣрахъ довольно внѣшне связаны съ наградами, и, по свидѣтельству многократнаго опыта, очень многіе постунають по такимъ правиламъ «житейской мудрости», пожиная, подчасъ, гдѣ не сѣяли, и собираая, гдѣ не расточали (Мф. 25, 24). Вѣдь сколько на свѣтѣ такихъ баловней счастья, героевъ безъ подвиговъ, сановниковъ безъ заслугъ, знамени тостей по бездѣлю, милліонеровъ изъ-за обманутаго довѣрія другихъ! По числу ихъ «цѣлый обликъ» (Евр. 12, 1), а по дѣламъ они—«безводныя тучи» (Іуд. 12).

Если внимательно взглядѣтся въ семейную жизнь, то обѣщанное благо усмотрится въ ней такъ же ясно, какъ, напримѣръ, кратчайшее разстояніе между двумя точками въ прямой линіи, или теплота въ огнѣ, польза въ разумномъ трудѣ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, уже съ издѣтства подчиненіе младшихъ старшимъ служить лучшимъ *воспитаніемъ воли*. этой величайшей силы человѣческаго духа. Кто предварительно не научился повиновенію самъ, тотъ никогда не будетъ въ силахъ повелѣвать другими—не слѣпо и деспотически, а такъ, какъ это требуется разумностью нашей природы. Избалованный безхарактерными родителями и привыкнущій своевольничать можетъ сдѣлаться капризнымъ тираномъ, несноснымъ деспотомъ, врагомъ всякаго повиновенія Божескимъ и человѣческимъ законамъ, но только не „повелителемъ“ въ подлинномъ значеніи этого слова. Чтобы первецствовать, для этого необходимо быть всѣмъ слугой (Мр. 10, 43). И лишь таковой окажется полезнымъ гражданиномъ своей страны; что же до своевольныхъ дѣтей, то нѣтъ данныхъ уповать на ихъ полезное для общества гражданство. Неутомимые глашатаи гражданской свободы, они первые посягнуть на нее, что и доказывается тысячекратными примѣрами.

Обращаясь къ любой другой способности, напримѣръ, къ *совѣсти*, еще разъ убѣдимся въ неопѣненныхъ услугахъ ея воспитанія по смыслу пятой заповѣди. Еще не родившійся на свѣтъ, а только формирующійся въ материнской утробѣ младенецъ живетъ одною жизнью съ матерью, и его маленькое сердце бьется въ унисонъ съ ея сердцемъ. Вспомните чудное повѣствованіе евангелиста о свиданіи Богоматери съ праведною Елисаветой и, особенно, эти трогательныя строки: «се бо

яко бысть гласъ цѣлованія Твоего (Маріина) во ушю моею, възыграся младенець радощами во чревѣ моемъ» (Лк. 1, 44), и вы поймете, что, подлинно, въ разсматриваемомъ, какъ и въ подобныхъ ему, случаяхъ «сердце сердцу вѣсть подастъ». Дивно-премудрымъ своимъ устройеніемъ сама природа сроднила, только не слила, между собою двѣ души, двѣ совѣсти, не для того, чтобы потомъ порвать родственную между ними связь, а для другого (природа, вѣдь, ничего не творить напрасно), чтобы и по рожденіи своемъ младенець почиталъ родившую его вначалѣ безсознательно, а потомъ, когда придетъ въ разумъ и сознательно. Смотрѣть всегда въ любвеобильные глаза матери своей, говорить ей чистую правду, не допускать никакой лжи и притворства,—какъ все это естественно и въ то же время плѣнительно и какъ высокополезно для будущаго гражданина! Счастливы и сладостны эти блаженные часы духовнаго единенія дѣтей съ своей матерью, цѣлительна эта, наступающая иногда послѣ продолжительнаго молчанія, исповѣдь на ея груди, очистительны покаяныя слезы, ибо онѣ являются «омывающею совѣсть банею» (Акаѳ. Пр. Богор., Ик. 11). Еслибъ мы продолжили разсмотрѣніе другихъ душевныхъ способностей младенца, то опять убѣдились бы въ чрезвычайно-благодѣтельномъ вліяніи на нихъ родителей. Съ измлада привитое почтеніе къ послѣднимъ, повиновеніе, подчиненіе имъ дѣтской воли, охраненіе ихъ чести и достоинства, покорность и преданность имъ, безпрекословное исполненіе ихъ приказаній, предупредительность и вѣжливость, сдержанность въ сужденіяхъ и поступкахъ, чувство тѣснѣйшаго родства и солидарности,—вѣдь это неоцѣненныя *моральныя блага*, служащія украшеніемъ и счастьемъ человѣческой души не только во время пребыванія дѣтей подъ родительскимъ кровомъ, но и «въ долготу дней» ихъ общественнаго служенія. Тѣмъ болѣе необходимо помнить объ этомъ, что, по словамъ нашего выдающагося психіатра, «новѣйшія наблюденія надъ развитіемъ въ раннемъ дѣтствѣ открыли фактъ чрезвычайной важности, состоящій въ томъ, что многія неправильности въ характерѣ человѣка и въ его способностяхъ получаютъ свое начало въ раннюю пору, въ первые мѣсяцы и годы жизни и ведутъ къ стойкимъ особенностямъ душевнаго склада будущаго взрослого человѣка»¹⁾. Повторяемъ,

¹⁾ *Сикорскій И. А.*, проф.: Психологическія основы воспитанія. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Второго Съѣзда Отечествен-

что правильно развитыя душевныя способности въ дѣтствѣ составляютъ цѣлый капиталъ на всю трудовую жизнь молодого поколѣнія. когда оно призвано будетъ вершить ея судьбы; явятся тѣмъ самымъ «благомъ», которое обѣщано дѣтямъ за исполненіе пятой заповѣди.—и не напрасно, потому что нѣтъ еще ничего другого на свѣтѣ прекраснѣе душевной красоты. Въ какую страшную бездну паденія ни устремлялись бы люди, даже и въ такомъ состояніи, а, можетъ быть, благодаря ему и утратѣ *своего* «блага», они особенно высоко цѣнятъ его въ другихъ и потому относятся къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ.

Твердая воля, чистая совѣсть! Произнося эти слова, не проникнемся ли мы глубокимъ уваженіемъ, больше того: благоговѣніемъ къ высокимъ носителямъ названныхъ качествъ? И, далѣе, какимъ болѣе подходящимъ именемъ назовемъ эти качества, какъ только «*благомъ*»? Да, они—благо, превосходящее все другое, такъ высоко цѣнимое людьми въ земномъ мірѣ! Этихъ - то, именно, благъ и не достаетъ современному поколѣнію, а безъ нихъ всѣ напряженныя усилія и всѣ огромныя затраты для житейскаго строительства не приведутъ къ желанной цѣли.

Чего не знаешь самъ, тому не научишь другого: «если слѣпой поведетъ слѣпого, то оба упадутъ въ яму» (Мф. 15, 14). Не научившійся чтить родителей въ молодости и самъ, когда будетъ имѣть своихъ дѣтей, не преподастъ имъ спасительной заповѣди. Что посѣялъ, то и пожнетъ. Рано ли, поздно ли, а наступитъ время тяжкаго *возмездія*, исполнителями котораго явятся собственныя же дѣти. Трагизмъ положенія начнется съ ихъ непослушанія родительской волѣ, съ презрѣнія ихъ къ совѣтамъ и распоряженіямъ старшихъ, съ грубыхъ и злостныхъ надъ ними насмѣшекъ и издѣвательствъ, пока отъ словъ дѣти не перейдутъ къ самому дѣлу и не подымутъ рукъ не только на родительское стяжаніе, но и на честь, на общественное положеніе и, даже, на самую жизнь имъ давшихъ ее. А каково будетъ душевное состояніе такихъ родителей, и какими словами горечи и раздраженія могутъ они, подчасъ, разражаться противъ непочтительныхъ дѣтей,—пусть скажетъ объ этомъ

выводимая великимъ драматургомъ обиженная мать. Вотъ ея проклятыя родному сыну:

„Родился ты, чтобъ превратить міръ Божій
Мнѣ въ темный адъ. Твое рожденье стало
Мнѣ бременемъ. Ребенкомъ своевольнъ
Ты былъ и золь; въ года ученья буюнъ,
Капризенъ, грубъ; въ дни юности вселились
Въ тебя порывы дерзости, вражды;
Когдажъ достигъ ты зрѣлыхъ лѣтъ—проникся
Коварствомъ весь, неумолимой жаждой
Лить кровь людей, и это все скрывалъ
Наружнымъ лишь смиреньемъ. Въ самой злости
Казался добрымъ ты, чѣмъ сдѣлалъ злость.
Свою еще опаснѣй.—Быль ли мигъ,
Когдабъ могла сказать я, что вкусила
Покой въ твоёмъ присутствіи?

Жилъ ты кровью

Всю жизнь свою,—въ крови погибнешь самъ!“¹⁾

Однако, этимъ далеко еще не исчерпывается содержаніе завѣщаннаго блага. По многократному опыту извѣстно, что, любя человѣка, мы вмѣстѣ любимъ и то, что такъ или иначе связано съ нимъ, особенно, когда провожаемъ его въ «страну, откуда нѣтъ возврата». Въ такомъ случаѣ даже самый ничтожный предметъ становится для насъ драгоценною святыней. Нѣчто подобное происходитъ и въ благоденствующей семьѣ. Вмѣстѣ съ почтительностью къ родителямъ возгарается любовь и къ родному *дому*. Это происходитъ вначалѣ безсознательно. Вотъ, предъ нами питающійся у материнской груди младенецъ, потомъ безмятежно почивающій въ своей колыбели. Маленькая, завѣшенная пологомъ, темненькая, послѣдняя представляетъ для почивающаго въ ней, какъ и для бодрствующаго, цѣлый міръ. Это—его *отечество*, которое онъ начинаетъ любить и къ которому привязывается, потому что чувствуетъ себя здѣсь очень спокойно. Пройдутъ нѣсколько мѣсяцевъ.—дѣтскій міръ постепенно начинаетъ расширяться: отъ колыбели онъ возрастаетъ до размѣровъ *хаты*, потомъ своего *двора*, цѣлой *деревни* съ ея окрестностями, далѣе—мѣстной *волости*, *уѣзда*, *губерніи*. мѣстнаго *края* и, наконецъ, родного *отечества*. Непрерывный процессъ развитія сыновней любви къ

¹⁾ Шекспиръ, Король Ричардъ III, слова герцогини. Пер. Соколовскаго. Спб., 1896, Т. VI, стр. 381.

родняѣ происходитъ съ такою же постепенностью, какъ, на-примѣръ, незамѣтное произрастаніе злака изъ сѣмени, «ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ. потомъ полное зерно въ колосѣ» (Мр. 4, 28), причемъ послѣдующее обусловливается предшествующимъ. Такъ и въ духовномъ мірѣ одно соединено съ другимъ органически: послѣдующія стадіи обусловлены предшествующими, но всѣ онѣ—изъ одного зерна, слѣдовательно, и любовь къ отечеству. Другими словами, *патріотизмъ — это только старшій (по значенію) братъ первоначальной любви къ колыбели*. Онъ настолько же законорожденный сынъ, какъ и та—законная дочь естественной любви къ родному гнѣзду. Поэтому совершенно неправы тѣ бездомники или (какъ называютъ ихъ) «космополиты», для которыхъ слово «патріотизмъ», — звукъ пустой. Нѣтъ, это не звукъ, а подлинная, неискалѣченная предвзятими теоріями, дѣйствительность! Не звукъ, а пламенная любовь къ родному очагу, какимъ бы незначительнымъ ни представлялся онъ для стороннихъ зрителей. Пусть для другихъ онъ ничтоженъ,—для родившагося дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: «палату убо гноише вмѣняше»—выраженіе до нѣкоторой степени примѣнимое и къ разсматриваемому случаю.

«*Линейная*» безконечность семьи можетъ находить свою нравственную полноту лишь въ другомъ болѣе широкомъ цѣломъ, какъ и геометрическая линія реализуется только какъ предѣлъ плоскости, которая для линіи есть то же, что сама линія для точки. И если нравственная точка—единственное лицо—имѣетъ настоящую дѣйствительность только какъ носитель родового преемства, то и вся линія этого преемства получаетъ реальное содержаніе бытія ближайшимъ образомъ лишь въ связи со множествомъ собирательно сосуществующихъ семей, составляющихъ *народъ*. Если мы все наше физическое и духовное достояніе получили отъ отцовъ, то *отцы* имѣли его только чрезъ *отечество*. Семейныя преданія суть дробь преданій народныхъ, и будущность семьи нераздѣльна съ будущностью народа. Поэтому необходимо почитаніе отцовъ переходить въ почитаніе отечества, или патріотизмъ, и семейное воспитаніе примыкаетъ къ воспитанію національному»¹⁾.

Только тотъ, кто научился любить свой, хотя бы и убогій, домъ, способенъ оцѣнить такъ же и въ другихъ соотвѣт-

¹⁾ Соловьевъ. Вл. С., собран. сочин., т. VIII, стр. 434).

ствующую этому любовь къ родному дому. Только тотъ, кто возрастилъ въ себѣ патріотизмъ, въ состояніи понять и опѣнить его такъ же и въ другихъ. Какъ невозможно уважать ближнихъ, предварительно не научившись уважать себя самого, т. е., чтить свое человѣческое достоинство и жить сообразно съ нимъ, такъ и въ гражданской области одни *только патріоты способны къ «всечеловѣческой» любви*. Истинная жизнь распространяется *отъ центра къ периферіи*, а не наоборотъ. «Несчастье Рудина (безпріютнаго космополита) состоитъ въ томъ, что онъ Россія не знаетъ, и это точно большое несчастье. *Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись*. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитизмъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ» ¹⁾!

Но любить родину; отечество, любить народъ свой, вѣру, преданія, родную исторію, добрые обычая, — развѣ это не «благо»? Великое и неоцѣненное! Въ томъ-то и бѣда, что мы разучились этой отеческой добродѣтели и, въ погоню за «всеобъемлющею» любовью, и этой не достигли, я патріотизмъ вытравили.

Всякому государству полезны великіе, а не обиженные душой люди; нужны зиждущіе, а не разрушающіе граждане, истинные патріоты, а не безличныя утописты. Какъ въ міровой жизни, по извѣстной формулѣ, *побѣждаютъ только сильные*, а слабые представляютъ собою «погибельную массу», такъ и въ политикѣ только однѣ сильныя натуры выходятъ побѣдителями на принципъ міроваго соревнованія, будетъ ли оно мирнымъ, или воинственнымъ,—безразлично. Отсюда понятно, почему, въ связи съ указанными благами, или, какъ въ заповѣди, съ «благомъ» поставлено въ тѣсную связь долготлѣтіе на земли. Последнее является естественнымъ слѣдствіемъ перваго, и другимъ быть не можетъ. Какъ должно происходить (и, дѣйствительно, происходитъ) въ маломъ, такъ и въ великомъ.

¹⁾ Тургеневъ, „Рудинъ“, см. Собр. соч., Моск., 1880, т. III, стр. 123.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Соціальное значеніе пятой заповѣди. — Безсиліе соціологіи къ уврачеванію общественныхъ золъ и необходимость обращенія къ содѣйствію морали. — Происхожденіе рабства изъ „хамства“. — Слова Златоуста. — Студенческія волненія и происхожденіе ихъ. — Письмо Хомякова. — Сравненіе нашего студенчества съ англійскимъ. — Заключение.

Преступно, поэтому, думать, что пятая заповѣдь имѣетъ въ виду благоустроеніе только одной семейной жизни и своимъ обѣщаніемъ «блага» утѣшаетъ будущимъ почтительныхъ дѣтей исключительно въ положеніи членовъ взятой семьи. Заповѣдая почитаніе родителей, Господь прозрѣваетъ весьма далеко впередъ, въ то отдаленное будущее, когда, не порывая связи съ родителями и сдѣлавшись взрослыми, дѣти выступаютъ за порогъ родного дома на общественную дѣятельность и станутъ полноправными гражданами. Иначе говоря, сфера дѣйствія пятой заповѣди простирается за ограниченный кругъ семьи въ *соціальную* область. Намѣренно говоримъ: «соціальную», чтобы самымъ терминомъ возбудить (такъ или иначе, а возбудить необходимо) вниманіе къ первостепенной важности предмету. Ибо, спрашивается, чѣмъ болѣетъ современное общество? Неумѣниемъ наладить и регулировать соціальныя отношенія между отдѣльными общественными группами и единичными лицами. Вотъ почему самую модную науку современнаго человѣчества является соціологія, — модною, хотя, къ сожалѣнію, безсильною преодолѣть укоренившееся зло. Не даромъ гр. Л. Толстой беспощадно высмѣялъ эту модную науку, «состоящую», по его словамъ, «въ изученіи того, какъ различно дурно жили прежніе люди», отъ чего, разумѣется, нисколько не легче живется теперешнимъ¹⁾. Не отрицая относительнаго значенія этой науки, при болѣе внимательномъ взглядѣ на общественную жизнь, корень зла легко увидѣть въ нерадѣніи о другой, болѣе важной, наукѣ о томъ, какъ жить въ семьѣ и какъ научить дѣтей почитанію своихъ родителей, а потомъ и старшихъ, на всѣхъ степеняхъ общественной жизни. Изъ-за соціологіи не надо забывать (назовемъ въ соотвѣтствіи съ нею эту другую науку новымъ терминомъ) «*икологію*». Если кто не научился основнымъ добродѣтелямъ въ родной семьѣ, то не помогутъ бѣдѣ ни-

¹⁾ Толстой Л. Н., Возстановленіе ада. Берлинъ, 1903, стр. 39.

какія соціологія. Для подтвержденія сказаннаго обратимся къ животрепещущему вопросу о порабощеніи богатыхъ бѣдными и сильными слабыхъ, или, въ болѣе широкомъ масштабѣ, о соціальномъ рабствѣ. По словамъ соціологин, послѣднее возникаетъ на почвѣ неравномѣрнаго распредѣленія труда и капитала, или, общѣе, *матеріальныхъ* благъ. Нѣтъ спору, что изъ этого рождаются великія общественныя бѣдствія, вражда классовъ, непримиримая между ними злоба, грабежи, насилія и убійства, вопіющіе пороки и полная нравственная разнузданность. Однако, это еще не все, корень зла лежитъ глубже; забыто *главное*: вѣдь надъ матеріальнымъ возвышается *нравственное*, т. е., то, выше чего нѣтъ еще другого на свѣтѣ. Невольно закрадывается въ сердце сомнѣніе: не здѣсь ли, именно, въ попраніи нравственнаго закона, корень зла? И не родилось ли зло раньше, чѣмъ появилась на свѣтъ экономическая зависимость?

Основательный отвѣтъ мы находимъ у человѣка, нравственная зрѣлость котораго стоитъ неизмѣримо выше очень многихъ изъ современныхъ печальниковъ общественныхъ золъ, а что касается умственной (образовательной), то она стоитъ выше всякихъ подозрѣній. Разумѣемъ одного изъ свв. отцовъ четвертаго вѣка. «Вамъ надобно узнать, откуда произошло рабство», произноситъ Златоустъ въ одномъ изъ своихъ словъ. «Спустя немного времени (послѣ потона) взомель проклятый сынъ его (Ноя) и увидѣлъ наготу отца. Слѣдовало бы прикрыть ее, накрыть платьемъ, ради старости, ради горя, ради несчастія, ради того, что это—отецъ его (Хама); а онъ вышедши разгласилъ и сдѣлалъ изъ того печальное зрѣлище. Но прочіе братья его, взявъ одежду, вошли, смотря назадъ, чтобы не видѣть того, о чемъ разглашалъ тотъ, и прикрыли отца. Послѣдній, вставши, узналъ все и сталъ говорить: „проклятъ Хапаанъ отрокъ: рабъ будетъ братьямъ своимъ“ (Быт. 9, 25). Смыслъ словъ его такой: ты будешь рабомъ, потому что обнаружилъ срамоту отца своего. Видишь ли, что *рабство—отъ грѣха, что отъ нечестія произошло рабство?*» ¹⁾ Хамъ смѣется надъ наготою отца, смѣется потому, что, по глубоко-вѣрному замѣчанію русскаго философа исторіи, «его собственное нравственное чувство не оскорблено. Въ его смѣхѣ

¹⁾ Златоустъ, Творен. въ рус. пер., Сиб., 1895, Т. I, стр. 851.

есть сочувствіе съ міромъ вещественнаго упоенія: *онъ не знаетъ стыда*»¹⁾).

Въ томъ-то и состоитъ главная бѣда, что хамы и подобные имъ не знаютъ стыда; ихъ совѣсть потемнена; она сговорчива на низости, входятъ въ сдѣлку съ чувственностью, этимъ ядовитымъ порожденіемъ нравственнаго одичанія, и усаждается тѣмъ, отъ чего бѣжить прочь цѣломудріе. Ясно, что и съ молододу, и въ зрѣлости хамы остаются, обыкновенно, вѣрными себѣ самимъ и, отверженные въ семьѣ, являются негодными отщепенцами и въ обществѣ. Тутъ не помогутъ никакія экономическія уравненія, никакая самая модная соціологія, а вся надежда возлагается только на одно *нравственное, издѣтства прививаемое, воспитаніе*, краеугольнымъ камнемъ котораго служить разсматриваемая заповѣдь.

Обратимся къ докучнѣйшему явленію нашихъ дней—студенческимъ, волненіямъ и спросимъ: изъ какого источника протекаютъ они? Ужъ черезчуръ легкомысленно было бы отвѣтить: изъ «гражданской скорби» молодежи по нестроенію въ общественной жизни, ибо одно зло не вылечить множествомъ другихъ. Да и что смыслятъ молодые люди въ политической области? Можно сказать: ничего, потому что гражданская зрѣлость воспитывается самою жизнью, а не заимствованнымъ изъ печати или изъ устъ добровольныхъ «страстотерпцевъ» резонерствомъ; она рождается въ процессѣ житейскаго подвига, изъ не краткаго и, подчасъ, мучительнаго опыта. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашихъ юныхъ реформаторахъ, за то сколько самоувѣренности, нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ, сколько нелѣпаго отрицанія религіозной и всякой другой вѣры, добрыхъ обычаевъ и т. д. И все это, главнымъ образомъ, отъ недостатка семейнаго воспитанія, отъ небреженія заповѣдью, предусматривающей горькія послѣдствія сыновней непочтительности. Но постоянно происходящія волненія молодежи—развѣ это не социальный вопросъ, и развѣ можно теперь сомнѣваться въ тѣснѣйшей связи между соблюденіемъ пятой заповѣди и всѣмъ наскучившими, а еще болѣе всѣхъ удручающими волненіями со стороны юной надежды нашего общества? Горе обществу, живущему ея обманчивымъ пустоцвѣтомъ! Рано ли, поздно ли, но только наступить пора тяжелаго пробужденія,

¹⁾ Хомяковъ А. С., Зап. о всемирн. исторіи, см. Полн. собр. сочин., изд. третье, Москва, 1900, Т. V, стр. 266.

и какими горькими упреками себѣ самому разразится общество, теперь не «восхотѣвшее разумѣть» времени исключительнаго Божьяго посѣщенія. Чѣмъ жить на вулканѣ, несравненно лучше позаботиться объ исцѣленіи отъ этого соціальнаго недуга. Но, по справедливому замѣчанію Хомякова, *«болѣзни не вылечишь, не узнавъ ея причины»*. «Позволяю себѣ сообщить вамъ», пишетъ онъ графинѣ А. Д. Блудовой, «свое мнѣніе. Во время оно въ Россіи преобладало *семейное* воспитаніе. Правительство, усомнившись въ просвѣщеніи молодыхъ дворянъ, положило имъ экзамены, такъ называемые комитетскіе. Видя злоупотребленіе этихъ экзаменовъ, оно отмѣнило ихъ и потребовало ото всѣхъ университетскаго курса. Семейное воспитаніе было стѣснено, но не совсѣмъ еще уничтожено: для студента оставалась возможность оставаться еще при семьѣ своей, или примыкать къ чужой семьѣ. Наконецъ, оподозрѣны и университеты, и свобода воспитанія: всѣ привилегіи, всѣ мѣста по службѣ предоставлены замкнутымъ школамъ. Дѣти чуть-чуть не изъ пеленокъ переданы въ казармы общественнаго воспитанія; дѣти оторваны окончательно и навсегда отъ заподозрѣнной семьи, отъ привычекъ и отъ святости семейной жизни; семьѣ объявлено во всеуслышаніе, что она недостойна правительственнаго довѣрія, и что образованіе слугъ правительственныхъ можетъ совершаться благонадежно только въ фаланстеріальномъ устройствѣ замкнутыхъ школъ; *премія дана коммунистическому началу*, и сильнѣйшій оплотъ противъ него уничтоженъ. Дальнѣйшій выводъ сдѣлаете вы сами; но даю вамъ слово, что *сынъ мой не будетъ лишенъ семьи*, хотя бы ему пришлось отказаться отъ всякой службы государственной. Этого требуетъ отъ меня совѣсть, *этого требуютъ начала Русской жизни, которыхъ корень въ семьѣ»* ¹⁾.

Какъ и въ настоящемъ случаѣ неподражаемъ св. Златоустъ. Читая его пламенную проповѣдь, направленную противъ тогдашнихъ возмутителей, невольно поддаешься впечатлѣнію, что она пророчески сказана въ назиданіе и нашему времени. «Бесѣдушій и съ земнымъ царемъ говорить только о томъ, о чемъ тотъ хотѣлъ бы слышать», поучаетъ св. отецъ, «а ты бесѣдуя съ Царемъ царствующихъ, разговариваешь о грязи, о пыли и паутинѣ? Но, скажешь, дѣла и управленіе находятся

¹⁾ Хомяковъ А. С., Полн. сообр. сочин. Москва, 1900, Т. VIII, стр. 393—394.

въ худомъ положеніи; о нихъ мы и говоримъ много, и сильно беспокоимся. Какая же причина? Отвѣтишь: неблагоразуміе правителей? Но неблагоразуміе правителей, а наша грѣховность. Она низвратила дѣла, она привлекла всѣ бѣдствія, она вооружила враговъ, она доставила намъ пораженіе. Не отъ него-нибудь другого постигъ насъ рядъ бѣдствій, какъ только отъ этой причины. Хотя бы нашимъ правителемъ былъ какой-нибудь Авраамъ, хотя бы Моисей, хотя бы Давидъ, хотя бы мудрѣйшій Соломонъ, хотя бы праведнѣйшій изъ всѣхъ людей, но если мы живемъ худо, то все другое безразлично въ отношеніи къ причинѣ золь. Какъ и какимъ образомъ? Если бы онъ былъ изъ числа людей незаконнѣйшихъ и поступающихъ безразсудно и безчинно, то вѣдь наше собственное безразсудство и безчинство произвели такого правителя. Получать правителей по сердцу своему значить не что иное, какъ то, что мы, согрѣшивъ напередъ, получаемъ такого и предстоятеля, будетъ ли онъ изъ лицъ церковныхъ, или изъ мірскаго званія. А, съ другой стороны, хотя бы онъ былъ весьма праведенъ, и такъ праведенъ, что равнялся бы добродѣтелю съ Моисеемъ, — его личная праведность не можетъ покрыть безмѣрныхъ грѣховъ подчиненныхъ. Это можно ясно видѣть на примѣрѣ самого Моисея, который много страдалъ за израильтянъ и усердно молилъ за нихъ Бога, чтобы наслѣдовали обѣтованную землю; но такъ-какъ они собственными грѣхами сдѣлали себя недостойными этого обѣтованія, то молитва его не могла измѣнить праведнаго опредѣленія Божія, по которому весь народъ погибъ въ пустынѣ. Между тѣмъ, кто праведнѣе Моисея? Хотя и говорится въ Писаніи, что „много можетъ молитва праведнаго“ (Іак. 5, 16), однако „поспѣшествуема“, т. е., воспособляемая раскаяніемъ и исправленіемъ тѣхъ, за кого возносятся. А у кого образъ жизни нераскаянный и неисправимый, тѣмъ какъ можетъ она принести помощь, когда они сами пренятствуютъ этому своими дѣлами» ¹⁾?

Бъ сожалѣнію, мы живемъ въ такое время, въ которое „широкіе круги“ отчужденнаго отъ церкви общества съ полнымъ упованіемъ взирають на «интеллигентовъ», особенно на университетскихъ, и ожидаютъ отъ нихъ руководственнаго слова въ важныхъ вопросахъ культуры и жизни. Но если повнима-

¹⁾ *Златоустъ*, Творенія въ рус. перев. Слб., 1900, т. VI, стр. 386.

тельно въсмотрѣться въ этихъ «интеллигентовъ», то окажется, что едва ли еще когда было такое время, когда ученый былъ меньше, чѣмъ теперь, готовъ къ принятой имъ на себя руководящей роли. Никогда еще господство односторонней специализаціи не являлось столь преобладающимъ, какъ теперь.—и даже самая философія, нѣкогда съ высокой башни стремившаяся обозрѣть и осмыслить цѣлую жизнь, теперь такъ же грозитъ роковымъ распаденіемъ на множество специальныхъ дисциплинъ. Съ научной точки зрѣнія это, можетъ быть, и необходимо, но только находится въ яркомъ противорѣчьи съ громкимъ лозунгомъ нашихъ дней, по которому культурно-руководящую роль церкви приняла на себя наука. Дженна Эдемсъ, основательница Hull-house-settlements въ Чикаго, справедливо замѣчаетъ: «современные ученые всячески утоляютъ жажду къ такому знанію, которое не состоитъ ни въ какомъ отношеніи къ дѣйствительной жизни, и передаютъ шарлатанамъ рѣшеніе проблеммъ, особенно глубоко затрогивающихъ человѣческое благополучіе». Обратную сторону медали, къ сожалѣнію, составляетъ другой фактъ: въ нашихъ высшихъ школахъ, наряду со многими полезными занятіями, довольно много времени удѣляется такъ же и *духовной празности*, усердной разработкѣ задачъ, не состоящихъ ни въ въ какомъ отношеніи къ насущнѣйшимъ культурнымъ запросамъ. Если бы наши молодые академики со времени своего студенчества прониклись болѣе глубокимъ сочувствіемъ къ *дѣйствительному* челоуѣку и къ дѣйствительнымъ состояніямъ общества, то отсюда проистекла бы такая, именно, польза, что сама наука обогатилась бы живыми проблеммами, а при выборѣ научныхъ занятій обратило бы больше вниманія на различіе между главнымъ и второстепеннымъ. Теперь много разсуждаютъ объ академической важности, которая должна удерживать университетъ отъ слишкомъ близкаго соприкосновенія съ конкретными житейскими обстоятельствами. Но въ томъ ли, дѣйствительно, состоитъ истинное величіе духа, чтобы бѣжать отъ міра, а не въ другомъ ли, наоборотъ, чтобы въ самую жизнь вносить это величіе и облагораживать ее?

Мы, находящіеся на материкѣ академики, съ завистью смотримъ на замѣчательныя благотворительныя учрежденія при англійскихъ университетахъ и на многомилліонныя пожертвованія американскихъ крезовъ въ пользу высшихъ школъ. Но сама же мы и виновны въ томъ, что у насъ дѣло обстоитъ

иначе, потому что народъ только тогда участливо отнесется къ университетамъ, когда и эти послѣдніе, въ свою очередь, примуть участіе въ народѣ—не одними словами, но и дѣлами. Арнольдъ Тойнби (извѣстный англійскій меценатъ) сказалъ однажды: „если народъ не въ состояніи достигнуть университетовъ-то *университеты должны придти къ народу*“. Вотъ этимъ-то духомъ и проникнуто распространившееся въ Англии и Америкѣ „University extension—movement“. Названное движеніе родилось во время крайняго недовѣрія рабочихъ классовъ по отношенію къ просвѣщеннымъ и своимъ главнѣйшимъ слѣдствіемъ имѣло примиреніе народа съ носителями духовной культуры, которые, дѣйствительно, житейскимъ опытомъ научились тому, какъ и чѣмъ слѣдуетъ служить родному народу и о чемъ съ пользою разсуждать въ представительныхъ учрежденіяхъ»¹⁾.

Съ первыхъ дней студенчества знакомящіеся съ подлинными духовными и матеріальными потребностями своего народа, *тамошніе студенты*, далеки отъ бурныхъ выступленій съ взятими на прокатъ программами и не склонны ридиться въ реформаторскія тоги, съ провозглашеніемъ гибели всему, что свято чтить и чѣмъ, какъ зеницей ока, дорожить простой народъ. Правильно воспитанная англо-американская молодежь больше, чѣмъ кто другой, чтить свои святыни и очень деликатна въ отношеніи къ народнымъ. Религія, вѣра, отечество законность, преданные обычаи, трудъ, трезвость, воздержаніе и под. добродѣтели являются лучшимъ украшеніемъ англо-американскаго юношества, обезпечивая за нимъ въ высшей степени плодотворное будущее, когда, по выходѣ изъ университетовъ, молодые люди вступятъ въ число полноправныхъ гражданъ и на серьезномъ дѣлѣ, дѣйствительно, докажутъ себя высокими народниками и патриотами.

Такова тамошняя молодежь, при болѣе внимательномъ взглядѣ на которую надобно признаться, что *секретъ* успѣшно производимаго ею дѣла коренится *въ исполненіи пятой заповѣди*, ибо что же другое, какъ не «чти отца твоего и мать твою», можетъ означать это предупредительное отношеніе тамошняго студенчества къ народу, взятому въ его цѣ-

¹⁾ См. объ этомъ въ очень содержательной книгѣ: *Foerster Fr. W., Christentum und Klassenkampf. Sozialethische und sozialpädagogische Betrachtungen.* Zürich, 1898, s. 55 ff.

ломъ, въ полнотѣ христіанской вѣры и житейскаго труда, праотеческихъ обрядовъ и обычаевъ, вкусовъ и симпатій, цѣлей и стремленій? И все это не отрицается безпощадно и съ злобнымъ издѣвательствомъ, во имя какого-то «невѣдомаго бога», не приносится въ жертву грубѣйшему матеріализму и нигилизму, а наоборотъ, культивируется и облагороживается. Когда-то отчужденные одинъ отъ другого, Уэсть-и Ост-Лондонъ братски протянули другъ-другу руки,—и стучавшаяся въ ворота революція должна была покинуть эти страны и на европейскомъ материкѣ искать себѣ благопріятной почвы. Очень жаль, что берега Невы оказались для нея привѣтливѣе береговъ Темзы!. Впрочемъ, «подобаетъ бо и ересемъ быти» (1 Кор. 11, 19) не въ церковной только, но и въ гражданской жизни для того, чтобы явились «искусніи». Наученные горькимъ опытомъ, они будутъ жить своимъ русскимъ умомъ и твердою вѣрой въ необходимость пракческаго осуществленія для человѣческаго благополучія дарованной заповѣди. Самъ Христосъ да «сниметъ покрывало съ ослѣпленныхъ» умовъ, и да озарятся они Господнимъ Духомъ, единымъ Подателемъ истинно-христіанской «свободы»! (2 Кор. 3, 14—17).

Протопресвитеръ Е. Аквилонъ.

9 февраля 1911 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки